

Дарья Калинина

Преступление по нотам

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

Преступление по нотам

«Эксмо»

2019й

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Преступление по нотам / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2019й — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-101889-4

Валентина Петровна много лет преподавала в Центре эстетического развития. Но, как и все, нервничала и волновалась перед отчетным концертом, на который собирался приехать сам губернатор. Еще бы — такое событие! Все прошло бы великолепно, если после концерта прямо возле входа в Центр не убили бы известного журналиста Стукалова. Более того, Валентина Петровна оказалась единственным свидетелем, видевшим киллера, который карабкался на крышу с футляром от старого контрабаса...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101889-4

© Калинина Д. А., 2019й
© Эксмо, 2019й

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Калинина

Преступление по нотам

Глава 1

На всех четырех этажах районного детского эстетического центра царила страшная суэта. Шутка ли! Завтра к ним в гости должен был пожаловать сам губернатор с визитом. По этому случаю в коридорах и служебных помещениях шла генеральная уборка, а на сценах и в классах маленькие артисты – певцы, танцоры и музыканты – репетировали свои партии, что называется, до посинения.

В перерывах педагоги бегали друг к дружке, но разговор всюду был один и тот же.

Захлебываясь от привалившего счастья, все наперебой твердили:

– Такая честь! Такое уважение! Такой почет!

При этом вслух, словно боясь сглазить, не говорили о главном. Все были в таком приятном предвкушении от этого визита, что поговаривали, если все пройдет хорошо, им прибавят финансирование, дадут разнообразные льготы, сделают другие приятные подарки. А кто не любит подарки? Только круглые дураки, но таких тут не водилось.

Поэтому сегодня целый день в кабинет старшего преподавателя по классу фортепиано Валентины Петровны было настоящее паломничество. К ней заглядывали взволнованные члены педагогического коллектива. Всем было хорошо известно, что заведующей учебной частью музыкального отделения является ее родная племянница Аннушка. И если к самой Аннушке, или официально – Анне Даниловне, зайти за выяснением подробностей коллеги стеснялись, то доброта Валентины Петровны была всем хорошо известна. Она точно не станет хмурить брови и упрекать, что ее отрывают от дел. Поэтому покоя Валентине Петровне не было.

– Голубушка, вы же все у нас всегда знаете, скажите, неужто и впрямь сам губернатор к нам завтра приедет?

И всем Валентина Петровна отвечала важно и обстоятельно:

– Если сам и не выберется, то уж его заместитель – это без всякого сомнения.

– Заместитель ведь ничем не хуже, верно? – тут же взволнованно вопрошали снова коллеги. – Губернатор же ему все равно все свои полномочия передаст.

– Совершенно верно. Но все будет зависеть, как мы его встретим. Понравится ему концерт, понравится, как у нас тут все организовано, – будут ответные подарки. Так что идите и готовьтесь. А то ведь рука – владыка, может не только дарить, но и наказывать.

И преподавательницы с некоторым душевным трепетом расходились по своим ученикам. Сегодня они занимались с лучшими из лучших. С теми, кому завтра предстояло выступить на сцене перед высокими гостями. Концерт готовили не один месяц. Программа предполагалась самая разнообразная – песни, танцы, музыкальные номера. Для придания всему концерту колорита было приглашено несколько человек со стороны. Детский рожковый оркестр обещал прислать своих музыкантов. Также ожидалось пять юных гусяров. Насчет этих у всех были сомнения. Все-таки никто этих детей раньше не видел и их способностей толком не знал.

– Пришлют кота в мешке, а?

– Вроде бы не должны, приличные люди. Мы всегда шли им навстречу, во всем помогали. А долг платежом красен.

– Все-таки неизвестные совсем ребята. Сыграют ли?

– В крайней случае, можно им прослушивание перед концертом устроить. Приедут, мы спокойно их послушаем и там без спешки решим, как с ними быть.

Бедная наивная Валентина Петровна! Когда она на другой день подходила к своему центру, то сперва решила, что заблудилась и пришла не туда. Их центр было не узнать. Всюду вокруг стояли полицейские машины. Само здание было оцеплено в два кордона. Первый внешний пропускал посетителей, ориентируясь исключительно по внешнему виду, зато второй обыскивал их, уже не стесняясь.

Для обычных посетителей центр был сегодня закрыт, о чем на его дверях уже три дня висело соответствующее объявление. Но даже тех артистов, которые явились для подготовки к выступлению, обыскивали чуть ли не в четыре руки и все равно не успевали пропускать внутрь всех желающих. Очередь уже стояла на ступеньках и с каждой минутой все увеличивалась.

Когда подошел черед Валентины Петровны досматриваться, охранник бдительно потребовал от нее открыть сумку, а потом окинул ее фигуру таким взглядом, что женщина на мгновение оцепенела от страха.

А ну как примутся за личный досмотр?

Но нет, обошлось. Валентина Петровна была женщиной сухонькой и невысокого роста. Скрыть что-то вроде взрывчатки или оружия под легким костюмом ей вряд ли удалось бы.

– Идите!

Но это были еще не все испытания. Внутри ее заставили пройти через арку металлодетектора, которой у них сроду не наблюдалось, а тут вдруг откуда-то возникла. Что-то зазвенело.

Обычно охрана на такую ерунду внимания не обращает, но тут обратили. Заставили Валентину Петровну пройти еще несколько раз, потом потребовали от нее выложить из карманов всю мелочь и снять с себя украшения. Так что к себе женщина попала в центр уже в изрядно взвинченном состоянии.

– Хорошо, что до зубных протезов дело не дошло, могли заставить и их изо рта вынуть, – сердито сказала она и тут же попыталась себя утешить. – Это для нашего же блага.

Немного уняв дрожь в руках, она привела себя в порядок и побежала в кафе, чтобы выпить там чашечку кофе.

Ха-ха! Фигушки! Путь в кафе был перекрыт новой порцией охраны.

– Кафе закрыто на спецобслуживание!

Валентина Петровна прямо оторопела от такого поворота событий.

В душе невольно поднялся ропот. Как это ей и не выпить кофе перед концертом? Ее законную чашечку кофе, без которой ей не жить! И почему детям нельзя съесть булочку и подкрепиться? Им же еще выступать. А волнение съедает столько калорий, что обмороков будет не избежать. И ничего кафе не закрыто, не надо врать. Вон дверь приоткрыта, и видно, как за накрытыми столами сидят тучные дяденьки с гладкими холеными лицами и что-то с аппетитом поедают.

Учительница успела даже рассмотреть, что столы в кафе нынче покрыты скатертями, на которых стоят крохотные вазочки, а в вазочках – живые цветочки! И ассортимент, судя по доносящимся ароматам, был куда разнообразней и изысканней, чем в обычный день работы их кафе.

Валентине Петровне очень захотелось пирожное с двумя вишенками, которое как раз в этот момент запихивал себе в рот не в меру упитанный господин с тремя толстенькими подбородками, уютно устроившимися на его галстук. Ему это пирожное явно было лишнее, а вот ей пришлось бы кстати.

Но спорить с двумя рослыми ребятами, буквально перекрывшими своими мощными накачанными телами путь, она не стала. Поняла, что сегодня в их кафе барствуют лишь господа из числа приглашенных гостей.

Ну и ладно!

В конце концов, кофе она может выпить и растворимый. Сходит сейчас к Ольге Ульриховне – их завхозу, и они славненько выпьют у нее кофейку с конфетками. У Валентины Петровны есть большая и непочатая еще коробка шоколада. Пожалуй, там хватит и для ребят, если кто вдруг во время выступления совсем ослабеет.

И Валентина Петровна вновь пришла в хорошее настроение. Впереди был прекрасный день. Вокруг любимые ученики и друзья-педагоги. Скоро к ним приедет долгожданный дорогой гость, которого они будут радовать своим мастерством. Все замечательно! Да и растворимый кофе Ольги Ульриховны оказался ничуть не хуже того, что варили у них в кафе. И, прихватив, как и намеревалась, коробку с шоколадом, Валентина Петровна двинулась на концерт.

Но и тут ей было суждено наткнуться на очередных охранников. К самой Валентине Петровне вопросов у них не возникло, на сцену она пройти могла, поскольку значилась в списках. А вот коробка у нее в руках вызвала вопросы.

– Зачем это вам?

Тон был таким, словно бы она, по меньшей мере, пыталась пронести в зал тараканов или козьи какашки, а возможно, что и гранаты.

– Это конфеты для артистов. Буду их угощать.

– Зачем?

– Они же дети. Они любят сладкое.

– Откройте!

Валентина Петровна открыла коробку. Она была большая, держать ее на весу было неудобно. Да еще мимо все время сновали дети, того и гляди толкнут под руку, все конфеты тогда разлетятся. А охранники, как назло, все разглядывали и разглядывали конфеты. Первый раз они их видят, что ли? Но, видимо, дело было в другом, на этот случай у охраны не было четких инструкций, и сейчас они не знали, как им поступить.

Потом Валентина Петровна увидела, как один из охранников отошел в сторону и стал звонить кому-то по рации. Видимо, хотел получить инструкции. Второй продолжал сверлить женщину подозрительным взглядом.

Вернувшись, первый кивнул:

– Проходите, все в порядке.

Валентина Петровна прошла. Но пережитое волнение сказывалось, и руки у нее снова стали подрагивать.

– Да откуда же их столько пригнали? – в отчаянии прошептала женщина. – И зачем? Кому тут нападать на нашего губернатора? Детям? Или нам – педагогам?

Ведь зрители на концерте обещали быть все только свои. Ни одного постороннего человека не могло оказаться сегодня в здании эстетического центра. Все артисты и педагоги пропускались по спискам, которые прошли несколько этапов согласования. Зачем же столько охраны в самом центре? И снаружи? Но Валентина Петровна заставила сердце уняться. Постояла, подышала, и вроде бы стало лучше.

Пора было идти к детям, наверное, их тоже перепугало такое обилие важных гостей. К ее удивлению, дети держались куда лучше. И даже от конфет почти все отказались, объяснили, что слишком волнуются.

Валентина Петровна преподавала игру на фортепиано. И сегодня она начала повторять с некоторыми, кто казался ей не особенно надежным в плане исполнения, самые сложные моменты. Но все ребята сегодня сыграли удивительно чисто. И настроение у Валентины Петровны поднялось еще больше. Она съела одну конфетку и пошла узнать, как дела у Ниночки, которой доверили поработать с гусярами.

– Все прекрасно! Ребятки приехали со своими костюмами. Сыграли все чисто. Сейчас они уже переодеваются.

Валентина Петровна похвалила Ниночку и пошла немножко прогуляться.

Ей было любопытно посмотреть, как изменился их центр изнутри. Всюду царила та особая кутерьма, которая предвещает либо большой успех, либо грандиозный провал постановки.

Конечно, Валентина Петровна надеялась на успех. И вертела головой по сторонам, пытаясь найти знаки, которые бы ей это подтвердили.

Вот пробежала стайка девочек в одинаковых черных трико и красных юбочках. А вот поспешили трое взрослых юношей, буквально обвешанные баянами – своими и своих младших товарищей, которым тяжело еще таскать на себе такие музыкальные инструменты. А вот спешат народники с балалайками, жалейками, домрами и бубнами. Подтянутые девушки-певуны что-то горячо обсуждают между собой.

Только бы не вздумали на ходу изменить репертуар. Но вряд ли, они – разумные девочки.

Внезапно Валентина Петровна заметила, что ко входу здания их центра со всех сторон бегут упитанные господа в костюмах. Тот самый, из кафе, уминавший пирожные, на которые положила глаз Валентина Петровна, бежал впереди остальных, размахивая всеми своими тремя подбородками. Вспомнив про пирожные, Валентина Петровна подавила неприятное сосущее чувство, которое возникло у нее под ложечкой.

Зря все-таки она съела на завтрак лишь миску жидкой каши. Надо было подзаправиться более существенно. Но учительница надеялась перекусить у них в кафе, где готовили вкусно и недорого.

– Едет! Губернатор едет!

Валентина Петровна вытянула шею, чтобы увидеть кортеж губернатора.

Но проходящая мимо племянница улучила минутку и печально шепнула:

– Не жди, не приедет.

– Как?

– Занят сильно. Зама своего прислал.

– Виктора Алексеевича?

– Вспомнила! Виктор Алексеевич исчез вместе с прежним губернатором. Нынче какой-то Евстигней Емельянович к нам катит. Побегу. А то Ричард Александрович куда-то запропастился.

Это был их директор. Первое лицо центра. Собственно говоря, ему и предстояло встречать важных гостей, а вовсе не Анне Даниловне, которая являлась всего лишь завучем.

– Не могу понять, с чего ему вздумалось именно сейчас шутить со мной такие шутки?

И Анна Даниловна, покрутив в последний раз головой по сторонам, убедилась, что директора нигде не видно, и поспешила ко входу, навесив на лицо самую приветливую из всех доступных ей улыбок.

Невзирая на предупреждение племянницы, что губернатора не будет, Валентина Петровна еще сильнее вытянула шею. Ей очень хотелось взглянуть на нового зама по культуре.

Может, хоть этот даст денег на ремонт фасада? И фонд музыкальных инструментов не мешало бы обновить. В прокате имеется всего две скрипки-половинки, а желающих учиться на них – в разы больше. Родителям приходится покупать инструменты, но не всегда это оправданно. Дети растут быстро.

Сегодня малыш играет на восьмушке, через год – на четвертинке, еще через год – на половинке, а потом ему уже три четверти подавай. Покупать каждый раз новый инструмент, чтобы подходил юному музыканту по размеру, – забегаешься.

Внезапно Валентина Петровна почувствовала, как задыхается. Ей стало душно и жарко, захотелось срочно подышать свежим воздухом. Пользуясь тем, что служебный вход стоял без присмотра – всего-то один-единственный охранник, который даже не стал особо допытываться, кто она такая, Валентина Петровна вышла на улицу. Тут было ее любимое место. В тенечке стояла скамейка. С нее открывался прекрасный вид на парк и озеро. Валентина Петровна немножко отдышалась, а когда повернулась, чтобы идти назад, буквально окаменела.

Прямо перед ее глазами по стене их центра, где-то на уровне третьего этажа, по пожарной лестнице карабкался какой-то человек. Он был в ярко-оранжевом комбинезоне, какие носят работники дорожных служб и всякие технические работники, занятые грязной работой.

Но этот был настоящим верхолазом. Высота его не смущала, он ловко перебирал руками и взбирался все выше и выше. И вскоре оказался на самом верху здания.

Валентина Петровна невольно заинтересовалась этим персонажем.

– Что этому типу может там понадобиться?

Вроде бы совсем недавно рабочие меняли кровлю дома, возились целую неделю, все сделали и ушли. Может, это один из них?

– Зачем же он вернулся? Забыл там что-то?

Валентина Петровна открыла рот, чтобы подать знак молодому мужчине, что она его видит, но окаменела во второй раз. Теперь потому, что у мужчины на крыше в руках появился большой футляр от музыкального инструмента.

– Вроде бы похож на футляр от контрабаса?

Валентина Петровна протерла очки, надеясь, что это поможет ей получше разглядеть, что же за предмет оказался у рабочего.

Неужели и впрямь музыкальный инструмент на крыше? Ну да, так и есть. Контрабас или виолончель. С такого расстояния трудно было определить размер инструмента. Но кто же держит музыкальный инструмент на крыше? Там он безвозвратно погибнет. Дождь его намочит, дерево разбухнет, а при высыхании обязательно покоробится. И звук будет безвозвратно испорчен. Никакой футляр не спасет дерево от лишней влаги.

– Безобразие!

Как всякий музыкальный работник, Валентина Петровна очень чутко относилась к инструментам. В каждом из них ей чудилась своя собственная маленькая музыкальная душа. Инструменты для нее были живыми существами, хоть и не в той мере, как человек, но они тоже обладали интеллектом и отличались характерами. Некоторые были капризны, другие туго соображали, третьи просто любили повредничать. Счастье, если музыканту доставался инструмент, способный к четкой и слаженной с человеком работе.

Валентина Петровна разволновалась еще сильнее:

– И где он мог взять инструмент? Уж не у нас ли в центре он его украл? Ну да! Конечно! Украл и спрятал на крыше! А теперь вернулся за украденным. Ворюга! Надо его задержать!

Но рабочий на крыше, сделав несколько шагов, уже скрылся из поля ее зрения.

Валентина Петровна попыталась обежать здание, но там ей путь преградила охрана. Напрасно она пыталась объяснить, что на крыше ходит какой-то человек в костюме рабочего и с украденным у кого-то из их учащихся контрабасом.

Охранникам было сейчас не до нее.

– Внимание! – ожила рация у одного из охранников. – Готовность номер один. Он приближается.

Охранники засуетились.

А Валентина Петровна, поняв, что приближается главный гость, вернулась мыслями к своим проблемам. Да, фонд инструментов надо бы обновить. Впрочем, если всякие посторонние граждане будут так лихо его разворовывать, то никаких инструментов не напасешься.

Во всем этом Валентину Петровну лишь немного смущало то обстоятельство, что она ровным счетом ничего не слышала о такой краже. Если бы у кого-то украли дорогой инструмент, об этом гудел бы уже весь центр! Может, инструмент был совсем старый и списан за негодностью? А она навела тень на плетень на хорошего человека?

Надо будет уточнить у Ольги Ульриховны, которая отвечает у них за школьные музыкальные инструменты и прочий инвентарь. Кажется, у нее контрабасов в хозяйстве и не было вот уже лет десять.

Валентина Петровна в задумчивости вернулась в центр.

Там суета царила по-прежнему. Всеобщее волнение достигло апогея. Главный гость праздника должен был вот-вот ступить на их землю. И Валентина Петровна снова начала думать о том, сколько всего им нужно попросить у него.

И это она еще забыла о фондах их музыкальной библиотеки.

Вот ее обновить надо в первую очередь. Просто кровь из носу!

Дети до сих пор учатся по учебникам тридцатилетней давности. Нет, к самим учебникам претензий нет: прекрасные пьески, удачно подобранные. Но за столько лет учебники пришли в полную негодность. Клеенные скотчем и пергаментной бумагой, пожелтевшие и буквально рассыпающиеся на части, они выглядели, на взгляд Валентины Петровны, просто неприлично и никак не сочетались с их центром эстетического воспитания.

Какое может быть эстетическое воспитание, если учебники все растрепаны, а страницы желто-коричневые и в пятнах? Обязательно нужны новые!

В таких корыстных мыслях Валентина Петровна едва не пропустила появление зама. Он ее разочаровал. Невысокого росточка. Взгляд острый. Усики жесткие.

Нет, у такого и снега зимой не допросишься, если не запланирована и не согласована его выдача за три года вперед. Придется, видно, их библиотекарше, милой девушке Нине, еще немножко поработать переплетчиком. А что? Она очень даже ловко за эти годы научилась собирать из двух-трех вусмерть убитых и подлежащих списанию учебников один, вполне себе приличный.

Новый зам губернатора с чудным именем направился напрямик в зал.

Напрасно окружающие пытались пригласить его перекусить. Тот категорически отказался. И даже часы показал. Мол, некогда мне по кафе сидеть. В отличие от вас – бездельников, я человек занятой. И первым прошел в зал, в который до сих пор еще никого не пускали.

Какое-то время Валентина Петровна стояла на месте, потом спохватилась и побежала к своим ученикам. Надо было успеть дать детям последние наставления. И, пожалуй, самой съесть пару конфеток. А то Валентина Петровна что-то совсем разволновалась, а от волнения проголодалась.

У нее даже мелькнула мысль сбегать в кафе, попросить продать ей бутерброд. Но она представила, как это будет выглядеть: старшая преподавательница оставила своих детей ради хлеба насущного, – и передумала.

Валентина Петровна всегда утверждала, что дух – превыше материи. И она даже поссорилась на днях с их буфетчицей Людочкой, которая стояла на прямо противоположной точке зрения и твердила, что именно окружение и его материальная составляющая формируют личность человека.

И как же будет смотреть на нее Людочка, когда Валентине Петровне придется признаться в том, что ее собственный голод оказался выше духовности?

Концерт прошел с большим успехом. Дети расстарались на славу. Музыканты играли, плясуны водили хороводы и скакали впрыскаду. Женские сарафаны полыхали алым, а хор грянул танцевальную так, что многие захлопали.

Даже Евстигней Емельянович повеселел, и усы у него вроде бы топорщились совсем не так сердито, как в начале.

Валентина Петровна была рада это видеть. Она немножечко больше остальных гордилась успехом, потому что в том была немалая ее заслуга. Сейчас на сцене одновременно выступают по два, а то и по три коллектива. И это была ее идея.

Это она посоветовала племяннице:

– Может, это и труднее в организационном плане, но ты уж постарайся, соедини малочисленные коллективы. Ведь когда несколько человек на сцене, зрелище получается куда эффектней. Одно дело, когда две пичужки что-то там попискивают тоненькими и еще не сформиро-

вавшимися голосками. Трогательно, конечно, но быстро надоедает зрителям. Несколько таких пигалиц – и зритель начинает зевать. И совсем другое дело, когда у тех же маленьких певуний имеется аккомпанемент в виде трио народников с дудками.

И вот сейчас Валентина Петровна увидела, как ее племянница Аннушка смотрит на нее и трясет поднятым вверх большим пальцем.

– Это успех!

Особенно понравился публике ансамбль гусяров в русских народных костюмах. Ребята играли хорошо, заслушаешься. Вот только Ниночки, которой поручили ими руководить, на сцене что-то не видно. Гусяры одни приняли овации.

– Но уж такая она, наша Ниночка, стеснительная и скромная. Дело делает, а как до похвалы, так она в сторонку отойдет и спрячется.

Ну, а уж когда в финале все юные артисты вышли на поклон, зал буквально разразился аплодисментами. Не было видно только их дорогого директора. Что-то вынудило его отсутствовать на концерте.

И Валентина Петровна видела, что место рядом с замом заняла ее Аннушка.

Ну и хорошо! Пусть сегодняшний успех запомнится заместителю губернатора вместе с ее племянницей. Это может помочь ей в жизни в дальнейшем.

– Им понравилось! Им действительно понравилось!

Евстигней Емельянович встал первым. Хлопая в ладоши, он немного постоял, а затем двинулся к выходу. Постепенно и другие гости стали продвигаться в том же направлении.

В дверях зала возникла небольшая пробка. Многие преподаватели и члены коллектива поспешили проводить важных гостей. Но счастливая Валентина Петровна оставалась на месте, он могла думать лишь о том, что сейчас все дорогие гости удалятся, охрана будет снята, и она сможет на своих законных правах пойти в кафе и перекусить там немножко.

Быть может, ей даже повезет и она успеет насладиться скатертями и свежими цветами на столах.

После того как первое лицо праздника покинуло их центр, все как-то раскрепостились. Чиновники не спешили разъезжаться.

Многие вернулись в центр. Одни пошли в кафе, другие бродили по фойе, о чем-то беседуя, разглядывая украшения, сделанные руками детей художественного отделения их центра.

Валентина Петровна не возражала против их присутствия. Она все же сумела получить свой бутерброд. После некоторого раздумья Валентина Петровна остановилась на том, что с красной рыбой последний и выглядел, и пах вполне прилично.

Перекусив, женщина почувствовала, как противное головокружение постепенно прекращается. Настроение у нее еще больше улучшилось, потому что ей удалось заполучить то самое пирожное с вишенками. И сделала она это под самым носом у того господина с тремя подбородками. Он уже уезжал и заскочил в кафе, чтобы захватить в дорогу полюбившиеся пирожные.

А Валентина Петровна увела последнее прямо у него из-под носа. Звонко высыпала на прилавок полагающееся за пирожное количество монеток, а буфетчица Зиновья ловко смела деньги.

– А больше нет?

– Все! Кончились!

Торжествуя, Валентина Петровна вышла со своим трофеем в фойе и через него направилась к себе. То есть собиралась это сделать. Но внезапно со стороны улицы раздался громкий хлопок, за ним, чуть погодя, еще один.

Валентина Петровна не придавала бы этому никакого значения, но следом за хлопками раздался истошный женский визг:

– А-а-а-а! Убили-и-и-и!

На мгновение все замерли. Затем поднялась страшная суматоха. Кто-то бежал к лестнице, кто-то назад в кафе, кто-то рвался наружу. Несколько человек упали на пол, закрыв головы руками.

Валентина Петровна падать на пол не собиралась. Во-первых, негигиенично. Во-вторых, затопчут. И в-третьих, как быть тогда с пирожным? Расставаться с ним она не собиралась.

Как-то так получилось, что Валентина Петровна оказалась втянутой в тот людской поток, который стремился наружу.

Худенькой пожилой женщине было невольно сопротивляться мощному движению нескольких десятков крепких мужчин. Не прошло и нескольких минут, как она уже стояла перед зданием их эстетического центра, слегка ошеломленная произошедшим, но все еще крепко сжимающая в руках то самое пирожное с двумя алыми вишенками.

Глава 2

Основная человеческая волна вскоре схлынула, оставив Валентину Петровну куковать на верхних ступенях здания. Теперь вокруг Валентины Петровны текли лишь редкие ручейки, которые обтекали ее, не причиняя особого дискомфорта. Людям почему-то упорно хотелось быть ближе к тому, что находилось сейчас прямо посередине небольшой аллеи, ведущей от ворот ограды центра к главному входу.

Люди столпились неровным кругом, вели они себя странно.

Все выглядели явно взволнованными. Некоторые с явной опаской осматривались по сторонам и втягивали при этом голову в плечи, словно ожидая, что им сейчас что-нибудь прилетит. Другие показывали руками куда-то на козырек крыши, под которым сейчас стояла Валентина Петровна. Ей туда смотреть было ни к чему, она и так прекрасно знала, что вход в их центр венчают две отлитые из металла фигуры, олицетворяющие муз Древней Греции, верных помощниц бога Аполлона, который у греков как раз и отвечал за все прекрасное, в том числе и искусство поэзии, музыки и танцев.

Но что же так заинтересовало вдруг всех этих людей в фигурах?

Обе они стояли тут со дня открытия центра. А случилось это еще в семидесятых годах прошлого века.

Внезапно Валентине Петровне захотелось разобраться во всем самой. Пирожное она вручила стоящему рядом парнишке, который с благодарностью тут же впился в него зубами. Сама Валентина Петровна чувствовала, что пирожного ей больше совсем не хочется. Происходило что-то неладное, и она хотела понять, что именно.

Она спустилась по ступенькам и придирчиво оглядела фигуры на фасаде здания. И что в них такого?

Обе фигуры для своего возраста прекрасно сохранились. Вот облицовочная кирпичная кладка крошится – это не порядок, но ее затянули сеткой и вроде как кирпичи на голову никому не падают. Но по отдельным доносящимся до нее возгласам Валентина Петровна понимала: с кем-то из гостей случилось что-то скверное.

– В «Скорую» звоните!

– Сразу 112 набирайте!

– Там разберутся, кого присылать!

Валентина Петровна подошла ближе и начала осторожно протискиваться к центру кольца из плотно сомкнувшихся между собой человеческих тел.

Путь ее был труден, но внезапно перед ней произошло какое-то движение, люди расступились, и Валентина Петровна увидела прямо перед собой лежащее на асфальте тело. Вокруг него суетились трое мужчин, в руках одного была профессиональная телекамера, другой вел репортаж, третий занимался тем, что освобождал для первых двоих место.

Главным образом благодаря усилиям этого юноши Валентина Петровна и смогла так близко подобраться к центру событий.

Валентина Петровна не слушала, что вещает репортер.

Женщина смотрела на лежащего на асфальте человека. Она сразу узнала этого человека. Это был тот самый толстяк-обжора с тремя подбородками, которому Валентина Петровна не позволила попробовать последнее в его жизни лакомство.

Валентине Петровне даже стало ненадолго стыдно за свое поведение. Не дала человеку полакомиться напоследок. Но потом охвативший ее ужас от осознания случившегося затопил ее целиком, не оставив места для каких-то еще других чувств.

– Боже мой! Его убили! Совсем убили!

Сомневаться в этом не приходилось.

Под головой толстяка уже натекла приличных размеров лужа крови. А в его голове отчетливо была видна алая точка. В этого человека стреляли. И, судя по тому, куда смотрели окружающие, выстрел мог быть произведен с крыши их центра.

– Там он был! – возбужденно говорил какой-то человек уже не первой молодости, но в элегантном светло-сером плаще и с претензией на то, что он еще ого-го. – За фигурами на фасаде прятался. Я еще посмотрел на фигуру и думаю: что за фигня, почему у статуи сразу две головы? И тут вдруг выстрел! Потом еще один! И Вадик падает. Рядом со мной стоял! Мог и я под линию огня попасть!

– А кто стрелял?

– Мужчина. Одет в оранжевый комбинезон.

Услышав это, Валентина Петровна вздрогнула.

Жуткая мысль сверкнула у нее в этот момент в мозгу. Уж не тот ли мужчина тут нашкодил, которого она еще раньше засекала на крыше их центра с футляром от контрабаса?

Тогда она подумала, что речь может идти о краже музыкального инструмента. Но как знать, возможно, все еще гораздо серьезней. И тот мужчина забрался на крышу вовсе не потому, что хотел перепрятать понадежней украденный контрабас, а потому что в этом футляре у него был вовсе не музыкальный инструмент, а что... что у него там было? Да оружие! Винтовка с оптическим прицелом или... из чего там сейчас стреляют киллеры? Гаубица какая-нибудь или пушка.

Валентина Петровна была весьма далека от мира криминала, но кое-какие детективные сериалы ей все-таки по телевизору доводилось смотреть. Да и документальные фильмы про расследования нашумевших в свое время заказных убийств показывали регулярно.

Валентина Петровна с интересом смотрела эти передачи. Конечно, больше всего ее привлекали милые сердцу кадры советской кинохроники. Но кое-что из сюжетной линии тоже в памяти откладывалось. Валентина Петровна помнила, что ведущий всегда четко рассказывал, как вел себя тот или иной преступник. И помнила: чаще всего наемные убийцы для выполнения своего заказа как раз занимали возвышенные места. А крыши домов – это вообще было их излюбленное место.

«Я видела убийцу! – похолодела женщина. – И я могла его задержать!»

От волнения сердце у нее застучало так часто и громко, что отдавалось даже в голове.

Она могла помешать убийству! Могла спасти жизнь человеку! Но она этого не сделала, и получается, что она теперь сродни этому убийце. Она – его пособница, потому что попустилась случившемуся. Мысль о том, что, встань она на пути у преступника – и сама могла погибнуть, как-то ей в голову не пришла.

На подгибающихся ногах Валентина Петровна двинулась назад. На ступенях она столкнулась с их директором.

Видимо, он уже узнал о случившемся, потому что выглядел диковато: волосы встопорщены, всегда безупречно сидящий костюм скривился.

– Ричард Александрович, дорогой вы наш...

Но Ричард Александрович лишь скользнул по ней диким взглядом и бросился бежать к убитому.

– Нет! – услышала она его крик. – Только не это!

Понимая, что тут разберутся и без нее, Валентина Петровна дошла до своего кабинета, взяла телефон и, почти не видя кнопок, ткнула в одну из них наугад.

И когда ей ответил знакомый голос, разрыдалась:

– Саша! Сашенька! У нас чэпэ! Человека убили! И я одна виновата в этом!

Силы в этот момент оставили ее совершенно. А звонила Валентина Петровна своему соседу по лестничной клетке.

Про Сашу знакомые кумушки рассказывали всякие чудеса. Рассказывали, как он раскрывает одно преступление за другим. Как он помогает невинно оболганным и обманутым.

И Валентине Петровне казалось, что такой человек мог быть им всем очень полезен. Ей уж точно. Потому что Валентине Петровне предстояло объяснение с полицией. И она очень боялась, как бы это объяснение не закончилось для нее плохо.

К счастью, Саша оказался сегодня свободен. И так как дом их находился в нескольких шагах от центра, то Саша и появился у них еще до полиции.

Внимательно выслушал рассказ соседки и строго сказал:

– В полиции скажете всю правду! Лицо предполагаемого преступника видели? Узнать его сможете?

– Что ты, Сашенька! Он же высоко на крыше был. И потом комбинезон надел тоже не простой, а с капюшоном.

– Тогда остается надеяться, что кто-то из прочих свидетелей разглядел стрелявшего.

Увы, вскоре выяснилось, что лица преступника никто не запомнил, потому что на дело мерзавец отправился, низко опустив капюшон себе на голову. Впрочем, сам комбинезон был вскоре найден. Используя его по назначению, преступник просто избавился от приметной одежды, выбросив в один из мусорных контейнеров, стоящих за центром. Полиция нашла комбинезон практически сразу.

К этому времени Валентина Петровна, повинувшись совету Саши, уже рассказала полиции про человека с футляром от контрабаса в руках, которого видела на крыше их здания.

– В этом футляре могло быть спрятано оружие!

И Валентина Петровна с торжеством посмотрела на полицейского, ведущего допрос. Но полицейский как-то не спешил радоваться.

– Контрабас? – переспросил он с сомнением. – Это ведь что-то очень большое?

– Да, контрабас – это серьезный инструмент, в высоту он достигает приличных размеров. Поэтому у нас в центре даже нет ставки преподавателя для обучения игры на нем. Контрабас слишком велик, чтобы дети могли с ним справиться. У нас деток учат игре на виолончели. Контрабас – это уже для училища или консерватории.

– И зачем преступнику понадобился такой большой футляр? Не пушку же он притащил!

– А почему нет? – ляпнула Валентина Петровна и тут же сжалась под взглядом полицейского.

Но он решил не требовать слишком многого от пожилой и явно напуганной свидетельницы и снисходительно пояснил:

– Стреляли из винтовки. А для винтовки вполне сойдет небольшой кейс. Его и нести удобней, и он не привлечет к себе такого внимания, как контрабас.

– А вот тут вы и ошибаетесь! Во-первых, футляр от инструмента уже находился на крыше. А, во-вторых, сам преступник был одет приметно. Яркий оранжевый комбинезон – это, по вашему, не примета?

– Он его снял и все – нет приметы. Как нам теперь вычислить его внешность?

– По футляру от контрабаса! Наверняка он до сих пор с ним! Вы же обыскали крышу здания, но футляра там не нашли?

– Не нашли.

– А контрабасов у нас в школе нет уже лет пятнадцать. Я специально выясняла для вас эти подробности у нашего завхоза – Ольги Ульриховны. Она оказалась столь любезна, что проверила все инвентарные записи и выяснила, что хоть такого рода музыкальных инструментов у нас и не числится много лет, зато до недавнего времени на балансе числился один футляр! Пустой футляр от контрабаса.

– Так-так! Это уже интересней!

Валентина Петровна подбоченилась. Она чувствовала себя очень важной персоной. Давно уже к ее словам никто не проявлял такого внимания. У нее даже мелькнула мысль, что преступление – это не так уж и плохо, разумеется, если убили не вас, а кого-то другого.

– Этот футляр был якобы списан за ненадобностью, а на самом деле передан Максиму Сергеевичу.

– Это кто же такой?

– Наш концертмейстер.

– Он играет на контрабасе?

– Нет, на фортепиано.

– Зачем же ему футляр для контрабаса?

– Вот и я думаю о том же!

– И где он – этот ваш концертмейстер?

К сожалению, Максим Сергеевич был человеком с исключительно слабым здоровьем. И с прошлой недели находился на больничном. Так что сегодня его на работе даже не наблюдалось. Да никто его и не ждал.

Максим Сергеевич и в концерте участия не принимал. Никто не отважился доверить ему столь важное дело, все знали, что Максим Сергеевич весьма ненадежен. Стоило ему хоть немного простудиться или почувствовать иного рода недомогание, как он тут же высаживался на больничный. И там уж болел по полной программе, с ангиной, двусторонним воспалением легких, фронтитом и гайморитом, да еще и бронхитом в придачу.

– А можно предположить, что виденный вами верхолаз – это Максим Сергеевич и есть?

– Что вы! В школе Максим и то всегда был освобожден от уроков физкультуры по болезни. У него и сколиоз, и плоскостопие, и какая-то там дегенеративная деформация суставов голеностопа. Подняться по канату, сам рассказывал, так никогда и не сумел. А тот парень в комбинезоне очень ловко карабкался по пожарной лестнице. Раз! Два! Три! И он уже на крыше! Схватил футляр, побежал! Вот как!

– То есть преступник был крепким молодым человеком, а Максим Сергеевич ваш для таких трюков слишком хилый?

– Именно так. Даже из ваших сотрудников никто не отважился забраться на крышу по пожарной лестнице. А преступник смог!

– Вы им вроде как восхищаетесь, – недовольно произнес полицейский.

Устыдившись, Валентина Петровна попыталась оправдаться:

– Тем более что у Максима Сергеевича от высоты голова кружится. Ему даже кабинет для занятий всегда выделяют на первом, максимум на втором этаже. Выше он уже не может, как в окошко глянет, у него дыхание сбивается, голова кружится, сам бледнеет. Может и в обморок упасть, если срочно его вниз не спустить. Сама видела, как его под белые руки с четвертого этажа вели. Бедный Максимушка. Пот с него градом льет. Ноги еле переставляет. И без врачей понятно, что больной человек.

– Зачем же вы его на четвертый этаж послали, если у человека такой организм слабый?

– У нас Малый Концертный зал там находится, – оправдывалась Валентина Петровна. – Мы в нем на всех окнах шторы плотно задернули, Максим Сергеевич вроде бы и ничего, концерт отыграл. А как назад возвращаться, забылся, случайно по дороге в окошко глянул, ему вмиг и подурнело.

– Понятно. Тогда вряд ли это он на крышу лазил. Но спросить насчет судьбы списанного футляра от контрабаса все же надо.

– Вы ему позвоните.

– И позвоню!

Максим Сергеевич сначала стеснялся и признаваться в том, что взял вещь, подлежащую утилизации, никак не хотел. Мялся, увиливал от прямого ответа, пытался даже просто соврать,

что никакого футляра не брал. Но полицейский припугнул его очной ставкой с завхозом, вызовом повесткой в полицию и даже санкциями за дачу ложных показаний следствию.

Максим Сергеевич частично устыдился, частично испугался и ответил:

– Да, футляр я взял. Хотел порадовать одного хорошего знакомого, он как раз подыскивал себе футляр. Инструмент ему удалось приобрести совсем недорого, но только без футляра.

– И что? Вы ему отдали?

– Честно говоря, нет.

– Значит, футляр до сих пор находится у вас?

– Тоже нет.

– Где же он?

– Я не знаю.

– Объясните!

– Понимаете, когда я просил этот футляр, то не представлял, в каком он находится состоянии. Думал, что в приличном. Но оказалось, что футляр требовал серьезного ремонта. Мало того что он был потерт и побит сильно, там еще был сломан замок. Отдавать такой – это подкинуть человеку лишнюю головную боль. Не подарок будет, а мучение. Поэтому сразу везти своему знакомому я не решился. Решил сперва спросить, что он сам думает.

– И что?

– Он сказал, что должен посмотреть. Может, замок он и сумеет исправить сам.

– Посмотрел?

– Пока нет.

– И куда же вы дели этот футляр?

– Оставил в центре. В семнадцатом кабинете, если мне не изменяет память. Посмотрите, мне кажется, он должен быть там.

Полицейские вместе с Валентиной Петровной сходили, семнадцатый кабинет осмотрели, но футляра от контрабаса в нем не обнаружили.

Позвонили снова Максиму Сергеевичу, тот удивился, но потом припомнил, что последний раз занимался в кабинете под номером 17А.

Пошли туда, но и там футляром даже не пахло.

Наверное, так бы и ходили взад-вперед, да Валентина Петровна придумала, как помочь делу. Посмотрели в журнале записей и выяснили, что Максим Сергеевич последний раз перед болезнью занимался в двенадцатом кабинете, но и там футляра не оказалось.

– Зачем он его таскал взад-вперед? Разве у него нет своего кабинета?

Снова позвонили Максиму. Тот удивился, что они до сих пор не нашли футляр.

– Я как отнес его в кабинет 17А, так там он и должен оставаться. Места там много. Футляр никому не мешает. А у меня комнатка совсем крохотная. Туда футляр при всем желании не втиснешь.

Наверное, полиция совсем отказалась бы от своих поисков, но кто-то из преподавателей узнал о поисках пропавшего футляра и припомнил, что видел сегодня в тридцать девятом кабинете в углу старый футляр.

Тридцать девятый кабинет принадлежал директору.

И у Валентины Петровны мелькнула мысль, что Ричард Александрович может быть недоумен, если они самовольно вломятся к нему.

Но полицию такие мелочи не смущали. Они поднялись на четвертый этаж, где в упомянутом кабинете футляр вскоре и обнаружился.

– Вот он, голубчик! – обрадовалась Валентина Петровна. – Тот самый! Со сломанным замком!

Но замок оказался починен с помощью стальной проволоки. Прикручена она была неуклюже, но со своим заданием справлялась. Замок отныне был исправен. Футляр спустили вниз.

И призванная для опознания завхоз подтвердила, что футляр – тот самый, списанный за ненадобностью и негодностью.

– Вот тут инвентарный номер на боку, сходится с записями. Этот футляр я отдала Максиму Сергеевичу.

– Но как же он затащил его наверх? – изумился полицейский. – На четвертый этаж! Он наверху и не бывает никогда.

Но это была не единственная странность, связанная с футляром.

– Посмотрите, он весь в разводах. И это не просто пыль – это высохшая уличная грязь.

И еще на футляре нашлись клочки мха, застрявшие кое-где в щелях. Создавалось такое впечатление, что футляр сначала положили на покрытое мхом место, а потом протащили немного вперед.

– И еще тут есть следы свежего гудрона.

Мох, гудрон и грязь – все это в изобилии имелось на крыше. Мох там рос постоянно. Свежим гудроном рабочие замазывали швы в крыше. А уличная грязь бралась там откуда-то сама собой.

– Ясно, этот футляр провел какое-то время наверху на крыше.

– Что же? Все-таки стрелял Максим Сергеевич?

Сомнения охватили Валентину Сергеевну.

Конечно, в центре Максима Сергеевича никто сегодня не видел. И сам Максим говорит, что находится на больничном, тяжело болеет. Но ведь за руку его никто не держит, и где он бывает, не контролирует.

Максим мог сказать больным, а сам прийти сюда и заранее забраться на крышу.

– Максим ваш был на крыше или кто другой, а футляр этот мы обязаны забрать на экспертизу.

Несмотря на то что сейчас футляр был пуст, полицейские не исключали такой возможности, что еще недавно в нем находилось что-то для них в высшей степени интересное.

– Посмотрим, для чего этот футляр использовался. И кто его использовал.

К себе в кабинет Валентина Петровна в тот день добралась не скоро. Она чувствовала себя весьма странно.

С одной стороны, ей было жаль Максима Сергеевича, которого полиция явно отнесла к числу подозреваемых в совершенном преступлении. А с другой стороны, мысль о том, что убийца долгое время находился где-то совсем рядом, необыкновенно бодрила пожилую преподавательницу.

Сама она не задумывалась, что такое в принципе возможно, но только ровно до тех пор, пока один из полицейских не сказал:

– Вам так принципиально, чтобы злодеем оказался кто-то другой из ваших коллег?

– Почему обязательно из коллег?

– Потому что даже если это и не Максим Сергеевич стрелял, то все равно преступником окажется кто-то из сотрудников вашего замечательного эстетического центра.

И пока Валентина Петровна хлопала глазами, полицейский продолжал развивать свою мысль:

– Из какого именно кабинета можно забрать футляр от контрабаса, знали только сотрудники – это раз! Доставить громоздкий футляр на крышу незаметно для окружающих мог тоже только кто-то свой – это два! И, наконец, три – сегодня после покушения или почти сразу после него все выходы из центра были перекрыты. Преступник просто не сумел бы его покинуть. Но все дело в том, что преступнику и не было нужды скрываться. Он спокойно избавился от приметного комбинезона и оказался в обычной одежде учителя, затесался в ряды своих коллег и вместе с ними охал и ахал над случившимся.

Прибывший на место преступления следователь подтвердил мнение оперативника:

– Да, стрелял кто-то из своих. Поэтому-то никого постороннего в здании школы вашими коллегами зафиксировано и не было.

Действительно, если в холле, где раздевались гости, в кафе, где они перекусывали, возле концертного зала и внутри него наблюдалось повышенное число посторонних, то внутрь самого учебного центра, где находились учебные кабинеты, гости не заходили. Да и что гостям было там делать?

Все интересующие их места находились в холле, в том числе и туалеты. И опрос полицией сотрудников позволил заключить: никто из гостей внутрь центра не проходил.

Охрана самого центра подтверждала, что в учебные помещения никто из посторонних не проходил.

– Вот и получается, что стрелял кто-то из ваших. Сначала этот человек завладел футляром от контрабаса, который незаметно доставил на крышу. Сделал он это заранее. Туда же он доставил и оружие. И тоже, я думаю, заранее.

– Но зачем ему это понадобилось? Я имею в виду, таскать с собой на крышу, а потом назад с крыши тяжелый и неудобный футляр от контрабаса?

– С какой целью он это сделал, мы разберемся позднее. Сейчас главное – вычислить личность стрелка.

В этом сильно могли бы помочь камеры видеонаблюдения, которые были установлены во многих местах центра. Имелись они и на четвертом этаже, откуда вела лестница на крышу, которой для спуска вниз запросто мог воспользоваться стрелок. Но, как на грех, сегодня камеры не работали. Попытались выяснить, в чем дело, оказалось, что все камеры на четвертом этаже вульгарным образом замазаны краской.

– Все ясно! – воскликнул следователь, когда ему доложили о новой находке. – Теперь окончательно ясно. То, что преступник кто-то из своих! И он заранее готовился к этому преступлению. Наметил жертву. Выбрал удобную для выстрела позицию. И застрелил несчастного гражданина Стукалина на глазах у всех его коллег, друзей и знакомых!

Личность убитого была достаточно примечательна сама по себе.

Валентина Петровна ошибалась, думая, что господин с тремя подбородками является чиновником. Убитый был тележурналистом. Причем репортажи его всегда отличались эдакой перчинкой. По этой причине Стукалина избегали приглашать на все городские мероприятия. Из самого невинного открытия детского садика он умудрялся извлечь такой неприличный подтекст, что после выхода репортажа следовали неизбежные отставки и долгие судебные разбирательства.

Но на данное мероприятие скандальный журналист приехал с приглашением. И еще при- был не один, а вместе со своей съемочной группой. Значит, он заранее ждал, что будет нечто остренькое.

Правда, на членов его съемочной группы пригласительных билетов не нашлось, поэтому их внутрь центра и не пустили. Они караулили снаружи. Сам Стукалин прошел на концерт, а коллеги ждали его возвращения. Но как только Стукалин появился в дверях центра, все они как один появились в воротах. И стоило ему упасть, они оказались рядом и сняли тот самый репортаж, который сегодня целый день и показывали все каналы.

– Чем Стукалина привлек сегодняшний концерт, остается лишь догадываться.

– Вряд ли он рассчитывал снять свое собственное убийство. Даже для него это было бы слишком.

На этот вопрос смогли ответить оставшиеся члены съемочной группы.

– Вадику пришло сообщение, что сегодня в центре детского эстетического воспитания состоится нечто грандиозное. К сообщению прилагался пригласительный билет. Вадик уже давно ждал чего-то подобного, он сразу же загорелся.

– Прямо вспыхнул!

– Еще вчера вечером он был весь такой потухший, как обычно, а уже сегодня утром его было не узнать! Примчался к нам ни свет ни заря, глаза горят, я прямо обрадовался, когда его увидел. Ну, думаю, прежний Вадик вернулся к нам. Наделаем мы теперь дел! Я его таким счастливым и азартным почти два года не видел. Уже забывать начал, какой Вадик на самом деле может быть.

– Значит, вчера вечером у него была с кем-то встреча.

– И он сказал, что этот источник его еще никогда не подводил.

– А что это был за источник?

Увы, этого ребята не знали.

– Вадик своих информаторов не раскрывал. Нам он сказал, чтобы мы были готовы к девяти утра. И мы были готовы.

– А что за событие вы должны были освещать?

Но и этого погибший своим коллегам не рассказал. Может быть, оно и к лучшему, что не рассказал? Ведь тогда погибших могло быть ровно в три раза больше.

– А что насчет Стукалина? Не поступало ли ему в последнее время каких-нибудь угроз?

– В смысле, не собирался ли его кто-то прикончить? Да его, считай, полгорода мечтало видеть мертвым.

Полгорода – это многовато. Работать с таким количеством подозреваемых следователь не собирался.

– Кого-нибудь конкретно можете назвать?

– Хотя бы Гаркалин Леонид Семенович. Вадик про его предприятие серию разгромных статей напечатал. И что там рабочих с зарплатами обманывают, и что под заказы кредитов набрали, а отдавать не собираются, и что сточные воды прямо в реки сбрасывают, рыбадохнет, а хозяину на очистные сооружения денег жалко.

– И что?

– По факту этих публикаций было заведено уголовное дело. Теперь Гаркалина и его замам грозят реальные сроки. Они постоянно грозились Вадика придавить.

– Значит, это мог быть их заказ?

– Мог. Хотя...

– Что?

– Гаркалин – это уже давно было. Больше двух лет прошло. Вряд ли Гаркалин так долго стал бы ждать.

– А посвежее ничего на ум не приходит?

– Нет. Уже года два, как Вадик ничего такого острого не пишет. Некоторые даже говорят, что все, исписался наш Вадик. А я считаю, что неудачи у всех бывают. Вадиду нужно было только встряхнуться. И вчера кто-то его здорово встряхнул. Поэтому точно про убийцу может знать лишь тот, кто Вадиду пригласительный билет прислал.

Это было здоровое замечание. И следователь внимательно взглянул на помощника журналиста.

– Как тебя?

– Толик. Анатолий.

– А ты соображаешь, Толик.

– Тут и думать нечего. Ведь иначе как убийца мог точно знать, что Стукалин будет в числе гостей? Вадик не из их компании. То, что он оказался на концерте – чистой воды случайность, которую кто-то подстроил. Вадик в последнее время и не работал почти. А тут вдруг приехал. И нас привез. Если вы найдете человека, который этот визит подстроил, через него выйдете и на заказчика преступления.

Это была одна версия следствия. Убийство журналиста было кем-то заказано. Но была и другая версия.

– Стукалина могли застрелить по ошибке. Киллер мог целиться в кого-то другого и элементарно промазать.

– Тогда присланное Стукалину приглашение привлекает еще большее внимание. Если приславший его человек говорил, что готовится некая грандиозная шумиха, может, он как раз и имел в виду убийство? Но не Стукалина, которого застрелили по ошибке, а другого лица.

– Кто там был с ним рядом?

– Много народу толкалось.

– Надо выяснить, кто точно находился рядом. Всего прозвучало два выстрела. Первый никого не задел. Но он мог испугать настоящую жертву, которая знала или догадывалась о возможном покушении и успела спрятаться.

– За Стукалина?

– Он был персоной объемной. Рост и телосложение позволяли за него спрятаться кому-нибудь щуплому. Юркнула жертва киллера за Стукалина, а журналист оказался на линии огня.

– И тогда Стукалину досталась чужая пуля?

– Да.

– Но все равно странно. Убийца приготовился заранее. Кого он собирался убить? Он должен был иметь списки приглашенных, чтобы иметь уверенность в том, что жертва появится в нужное время и в нужном месте.

– Точные списки никому в центре не были известны.

Да и не было этих списков. Было отпечатано триста пригласительных билетов, которые и распространили среди чиновников. Особый характер мероприятию придавало возможное личное присутствие губернатора, поэтому билеты расхватили моментально.

– Видимо, Стукалин был единственным, про кого преступник точно мог сказать, что тот будет на мероприятии.

– При условии, что сам преступник и прислал ему это приглашение.

– Или это сделали за него. И тот, кто сделал, сейчас также находится в опасности.

Стоя на ступенях крыльца и обсуждая это убийство, полицейские наблюдали за тем, как запакованное в мешок тело журналиста уносят санитары.

Бедный Стукалин стал жертвой чьей-то умелой манипуляции. Наверное, он и впрямь надеялся на какой-то репортаж. Но в итоге сняли его самого. Посмертно.

Глава 3

Всю ночь Валентина Петровна провела в обнимку с корвалолом и валерьянкой.

То и дело просыпалась, капала себе в стаканчик то одно, то другое лекарство и вновь проваливалась в короткий тревожный сон. Снилось ей какая-то жуть. То выстрелы и крики людей. То длинные вереницы винтовок и отдельно на прилавке оптические прицелы, которые продавец с лицом Стукалина любезно предлагал ей приобрести, в противном случае угрожая, что застрелится сам.

А под утро приснилось, как с крыши их центра вниз планировала огромная черная птица, закрывающая своими крыльями все небо.

Птица хватала сотрудников центра одного за другим и уносила куда-то на крышу, где у нее в футляре от контрабаса было сделано гнездо. Гнездо тоже было необычное: из него во все стороны вместо сена, соломы и веток торчали нотные партитуры. Что происходило с оказавшимися в гнезде людьми, было не ясно. Но, судя по окровавленным ошметкам, покрывавшим всю крышу, ничего хорошего там не было.

– И приснится же такое!

Валентина Петровна долго приходила в себя.

Ночной сон, вопреки ожиданиям, не подкрепил, а еще больше измучил ее. Мелькнула даже мысль не ходить на работу. Но, повинувшись не столько чувству долга, сколько многолетней привычке, женщина все же встала, напилась кофе, съела для подкрепления сил парочку шоколадок (эти врачи все врут, ничуть не вреден для здоровья) и потащилась по своему обычному маршруту. На сердце у нее было тревожно. И дурные новости не заставили себя ждать.

– У нас убийство!

Такой фразой ее встретила на проходной Галина Васильевна.

– Ну да, знаю. Вчера присутствовала при оном.

– Ах, нет! – заломила руки сотрудница. – Другое!

– Что? Кто-то еще умер?

– Не умерла, а была убита!

Валентина Петровна побледнела.

– Кто?

– Агния... Агния Захаровна погибла!

У Валентины Петровны невольно вырвался вздох облегчения.

Агнию Захаровну она не любила.

Да и вряд ли нашелся бы человек, способный полюбить эту особу. Но Валентина Петровна тут же спохватилась, взяла себя в руки и опасливо покосилась на Галину. Не заметила ли она произведенного эффекта? А то ведь язык у Галины до пояса, как пойдет теперь болтать! Вмиг весь центр будет оповещен о том, как обрадовала Валентину Петровну смерть ее коллеги.

Но, к счастью, увлеченная своими мыслями Галина ничего не заметила. Она продолжала делиться теми сведениями, которыми располагала.

– Буквально полчаса назад позвонили. Агния Захаровна из своего дома утром выходила – и бац! Снова выстрел! С крыши!

– Снова преступник был в комбинезоне?

– На этот раз киллера никто даже не видел, но я уверена, что это тот самый, вчерашний!

Валентина Петровна почему-то тоже сразу так подумала. Почему?

Во-первых, у них никогда прежде не случалось ничего подобного, а тут вдруг один раз случилось, а теперь еще раз.

Факт, преступник был один и тот же персонаж. И он по какой-то причине взялся отстреливать сотрудников и посетителей их центра.

– Ох, как страшно, Валентина Петровна. Что же такое делается? Это же получается, что мы с вами тоже под прицелом у этого душегуба!

– Да почему же?

– Уже двух человек убил!

– Говорят, Стукалин был не в меру любопытен и разрушил много судеб. Его многие ненавидели. Ну, а что касается Агнии Захаровны...

Но тут Валентина Петровна прикусила язык.

Нет, нельзя плохо говорить про покойницу. Хотя как там утверждает пословица? Про мертвых либо только хорошее, либо правду! А как быть, если, по правде, Агния Захаровна давно заслуживала чего-то подобного?

Нет, смерти ей Валентина Петровна не желала, но все-таки иногда мелькала у нее мысль, что если бы Агния Захаровна перестала появляться у них на работе, то жизнь всего коллектива в общем и в целом сделалась бы куда легче и приятней.

Агния Захаровна была из породы тех людей, кто все время сует свой длинный любопытный нос в чужие дела. К своим пятидесяти пяти годам научилась она это делать просто виртуозно.

Природа не обделила Агнию Захаровну умом, так что выводы она подчас делала, поражающие своей точностью.

– Я вам вот что еще скажу, – таинственно понизила голос Галина, – вчера после убийства Агния странно себя вела.

– Как это?

– Взволнованна была.

– Все мы были на нервах.

– Нет, не так. Она была... приятно взволнованна.

– Приятно?

Валентина Петровна без лишних объяснений поняла, что пытается донести до нее Галина.

Любимым делом Агнии Захаровны было отравлять жизнь своим коллегам. Если день проходил, а она никому из своих врагов не сделала какой-нибудь гадости, то день ею считался прожитым впустую.

Смысл ее жизни заключался в том, чтобы накопать про кого-нибудь какую-нибудь гадость, а потом использовать ее для того, чтобы испортить человеку жизнь. И когда Агния Захаровна шла по следу очередного скандала, то ее состояние можно было бы охарактеризовать именно такими словами – «приятно взволнованна».

– Значит, Агния что-то узнала?

Галина кивнула и прошептала:

– И я уверена, что это связано с тем первым убийством! Агния Захаровна вчера вечером очень долго в центре задержалась. Уже все ушли, а она все не уходила и не уходила. Я к ней поднялась, постучала, а она не отвечает. Зашла – нет ее. Только на столе бумажки какие-то лежат. И на каждой – ноты.

– Ноты? Ну и что ноты?

– Так не простые, а от руки написанные!

Это было уже несколько странно, но, в принципе, тоже ничего необычного. Конечно, зачем преподавательнице вокала понадобилось писать от руки нотные партии, было не совсем понятно.

– Может, кому-то из детей партитуру писала?

– А принтер ей на что? Специально для этих целей у нее в комнате собственный принтер имеется.

Своим принтером Агния Захаровна никому и ни под каким видом не позволяла пользоваться. Это был еще один ее способ выводить коллег из себя. Какой бы острой ни была нужда у ее коллег, им приходилось бежать на третий этаж в библиотеку.

– И не в тетрадке чьей-нибудь она писала, а так просто, на листках.

– Мне кажется, ты придаешь слишком большое значение пустякам.

– Я и сама бы подумала, что это пустяки. Только Агния так не думала. Я пока ноты эти разглядывала, она вернулась. И ну на меня кричать! Прямо разозлилась страшно! А потом ноты эти схватила, словно это невесть какое сокровище. И на меня так люто взглянула, что я прямо похолодела. Все, думаю, следующая жертва – я! Не миновать мне скандала и увольнения.

– Что ты, Галиночка! Разве же можно тебя в чем-то упрекнуть?

– Уж Агния Захаровна нашла бы, к чему придраться.

– Но теперь она мертва и навредить больше тебе не сможет.

Валентина Петровна ляпнула и испугалась.

Все-таки проговорились! Высказала тайные свои мысли. Но Галина по рассеянности снова не обратила никакого внимания.

– А еще когда Агния Захаровна все-таки собралась уходить, то не одна она ушла. Ее тот мальчик с камерой встречал.

– Какой мальчик? – удивилась Валентина Петровна.

По складу своего характера никаких мальчиков возле Агнии Захаровны и в молодости-то не водилось. Что уж говорить про теперь. Жила она тоже одна. Ни сына, ни племянников – никого.

– Не знаю, как того мальчика зовут. Ну, это коллега убитого журналиста. Когда Стукалин упал, этот мальчик вокруг него с камерой суетился.

– Ты имеешь в виду оператора съемочной группы?

– Его самого.

Валентина Петровна удивилась еще сильнее.

– И что ему тут вчера понадобилось? Он что, не уезжал?

– Как не уезжал! Уезжал, наверное. Убийство около часу дня случилось. Зачем бы ему столько времени тут сидеть? Только когда Агния Захаровна из центра выходила, было около восьми вечера. И мальчик этот ее встречал.

– Ты не ошиблась? Это точно был он?

– Он самый! И Агния Захаровна потому так долго вчера вечером и не уходила, что кавалера своего ждала. Как только он приехал, так она сразу же собралась и на улицу выскочила.

– Они были знакомы?

– Агния Захаровна его знала. А вот он ее – вряд ли. Потому что когда она на крыльцо вышла, он на нее посмотрел, но никак не отреагировал. И лишь после того, как Агния Захаровна ему рукой помахала и окликнула его «Толик», тогда он к ней подошел, и они вместе ушли.

– А как они вели себя? Дружелюбно?

– Вполне. Казались очень оживленными и увлеченными. Пока шли к переходу, все разговаривали о чем-то. И дальше, сколько я могла их видеть, они пошли вдоль по улице вдвоем.

– Ты уже рассказывала об этом полиции?

– Нет. Думаете, они снова к нам приедут? Убийство Агнии Захаровны возле ее дома случилось. Что полиции у нас тут делать?

Вероятно, Галина была права. И все же Валентине Петровне показалась важной эта информация.

Может, и следователя она тоже заинтересует?

Валентина Петровна порылась у себя в столе, нашла визитку с номером телефона следователя Печенкина и позвонила ему.

Увы, номер оказался не самого Печенкина, а всего лишь дежурного, которому Валентина Петровна постеснялась выкладывать свои умозаключения. Они внезапно показались ей слишком жалкими и несолидными, чтобы тревожить ими следователя.

Но с кем-то поделиться новостями ей все же хотелось. И она позвонила Саше.

Вот ее сосед оказался молодцом. Он не только внимательно выслушал Валентину Петровну, но и подсказал, как действовать дальше.

– Осмотрите сейчас рабочий кабинет Агнии Захаровны. Ищите любую зацепку. Все, что покажется вам там странным, может иметь значение. Сможете?

– Смогу!

– А я пока что позвоню ребятам этого журналиста. Мне вчера удалось перекинуться с ними парой слов. И телефоны я у них взял. Как чувствовал, что они еще могут нам пригодиться.

Валентина Петровна очень приободрилась.

Больше всего ее порадовало это слово «нам», оброненное Сашей.

Значит, она не будет сражаться один на один со своей проблемой. У нее есть друг и помощник.

Как замечательно, когда есть такой сосед! Правильно говорят, что при нашей реальности нужно иметь своего знакомого доктора, сантехника и репетитора. А теперь вот оказалось, что и знакомый сыщик тоже не помешает.

– Галя, дай мне ключ от комнаты Агнии Захаровны.

– Так нету. Она мне его вчера не сдавала.

– А запасной где?

– Это и был запасной. Агния Захаровна основной ключик уже неделю как потеряла. Надо бы дубликат сделать, да она все обещала, а так и не удосужилась.

Валентина Петровна почувствовала досаду.

Единственное задание ей поручил Саша, она и его тут же провалила. Но она все равно направилась к кабинету Агнии Захаровны.

Если внутрь не попадет, то хоть посмотрит, что вокруг делается. Но, к ее удивлению, дверь в кабинет была приоткрыта.

Валентина Петровна нажала на ручку и поняла, что замок сломан. Она наклонилась ниже и увидела отчетливые следы на дверной поверхности. Кто-то опередил ее. Сломал замок и проник в кабинет Агнии Захаровны.

– Тук-тук! Есть кто там?

За дверью никто не откликнулся.

На всякий случай Валентина Петровна оставила дверь за собой нараспашку. Если злодей еще тут, при открытых дверях он не осмелится на нее напасть. Но в помещении никого не было.

Войдя внутрь и осмотревшись, Валентина Петровна даже за голову схватилась. Стулья валяются на полу, пианино стоит с открытой крышкой, весь пол усеян черепками, землей и камешками.

Какой-то дикий варвар уничтожил любимца Агнии Захаровны – огромный гибискус, растущий у нее много лет и неуклонно радовавший своим пышным цветением.

Пожалуй, цветок был единственным живым существом, имевшим симпатию к Агнии Захаровне.

– Что же тут произошло?

Немного придя в себя, Валентина Петровна обратила внимание, что все ящики стола вывернуты, а хранящаяся там документация, связанная с учебным процессом, валяется на полу

вперемешку с землей. По этим документам явно кто-то основательно потоптался. И Валентина Петровна решила, что теперь уж она имеет полное право звонить следователю.

– Агния Захаровна сегодня утром убита по дороге на работу. В ее кабинете ночью был произведен обыск. Дверь взломана. В комнате все перевернуто вверх дном и уничтожено. Передайте это следователю Печенкину.

Дежурный обещал все передать. Тон у него был скучающий.

Ну, конечно, человек каждый день получает тонны информации про убийства, грабежи и изнасилования. Что ему разгромленный кабинет какой-то учительницы музыки!

А вот Саша снова отреагировал куда более живо.

– Это замечательно! – воскликнул он. – Дорогая Валентина Петровна, как вы понимаете, мы с вами находимся на верном пути.

Дорогая Валентина Петровна не очень-то это понимала, но тон собеседника ее ободрил. Она пробормотала, что тоже очень рада.

– Я к вам загляну после обеда. До этого я должен кое с кем встретиться, но после трех буду у вас.

– В половине четвертого у меня как раз есть окошко в занятиях.

– Мы с вами тогда и увидимся!

Саша свое слово сдержал. И в половине четвертого он пригласил Валентину Петровну в кафе. Выбрал для этого местечко неподалеку от них в парке, объяснив, что в кафе самого эстетического центра слишком много любопытных ушей и к тому же туда не пускают с собаками.

– А я пришел к вам с Бароном.

Валентина Петровна обрадовалась. Она любила собак. А Бароном звали небольшого спаниеля, который жил у Саши.

Собака была очень славная и хорошо воспитанная. Все команды Барон выполнял с таким видом, словно бы уже родился с этим умением. И это почти соответствовало действительности. Сидеть, лежать, стоять, служить и просто прыгать по приказу человека – все это Барон умел с щенячьего возраста.

Будучи совсем крохой, он исправно тащил своему хозяину утиное крыло, которое по размеру было гораздо больше самого щенка и во рту у него не помещалось. Но маленький щенок все равно упорно тащил свою добычу туда, куда ему подсказывал инстинкт, – к самому лучшему человеку на свете, своему хозяину.

Саша и сейчас частенько отпускал Барона побегать на свободе. И всегда собака возвращалась с добычей. Иногда это был старенький телефон, найденный псом под ворохом опавших листьев в парке, иногда плеер, иногда женская заколка, а иногда и кое-что посущественней. Один раз пес притащил хозяину в пасти золотую подвеску в виде ключика, в другой раз – бумажник.

Хозяева этим ценным вещам нашлись быстро.

Вот только подвеска оказалась без цепочки, и Сашу обвинили в том, что его собака плохо обучена поиску, потеряла цепочку, а, может быть, и сожрала. А в бумажнике не было денег, в исчезновении которых также попытались обвинить Сашу с Бароном.

Но сейчас Барон с увлечением носился по открытой солнцу поляне, обнюхиваясь с другими собаками, виляя хвостом и приглашая их побегать наперегонки. Мало кто мог соревноваться с Бароном в скорости, поэтому, неизменно выходя победителем в гонках, он эту игру находил весьма увлекательной.

Валентина Петровна выбором места для их встречи осталась довольна.

Кафе располагалось в их парке на самом берегу озера. Работало оно исключительно в теплое время года и представляло из себя крытый досками настил, на котором стояли полтора десятка столиков и зонтики. В дождь и просто плохую погоду, ясное дело, кафе пустовало. Зато в ясную солнечную погоду прибыль текла в карман владельцев кафе полноводным ручьем.

Сегодня стоял именно такой погожий денек, когда приятно лишний часок провести на воздухе. Наступившее в сентябре «бабье лето» одарило горожан последним летним теплом.

Валентина Петровна взяла себе мороженое и фруктовый чай, а ее собеседник ограничился соком.

– Вы не замечали, не происходит ли в вашем центре что-нибудь подозрительное? Не случилось ли каких-нибудь несчастных случаев или даже смертей?

– Тьфу-тьфу! Если кто у нас до сего дня и умирал, то исключительно по причине преклонных лет и слабого состояния здоровья.

– А молодежь?

– Среди молодых убыли не наблюдается вовсе.

– Может, кого-нибудь уволили со скандалом?

– Ну... Увольнения, конечно, случаются. Бывает, что и поскандалят люди. Иные детки так тебя доведут, что уже на стенку лезешь. Да еще их родительницы полоумные звонят: почему вы на моего ребенка кричите? А как на него не кричать, если он не делает ничего? На урок приходит, а у самого глаза пустые и наглые. Мол, ничего вы со мной не поделаете. И его можно понять. Его маменьке хочется, чтобы чадо получило музыкальное образование. А сам ребенок совсем о другом мечтает. Не желает он учиться. И что мне с таким делать? От меня-то результатов требуют. Если он на экзамене третий год подряд одну и ту же сарабанду играть станет, меня по головке не погладят. Или вот... К примеру, взять Максима Сергеевича, с ним вообще нехорошо получилось.

Услышав знакомое имя, Саша поднял голову.

Признаться, он немного заскучал, слушая жалобы Валентины Петровны. Но имя владельца злополучного контрабасного футляра заставило сыщика проснуться.

– Так что случилось с Максимом Сергеевичем? Что за история с ним произошла?

– Скандал. Самый что ни на есть форменный и отвратительный скандал. Думали, что увольнением дело закончится. Да Максим Сергеевич, как водится, на больничный лист сел. Да что-то долго болел. Ну, а пока на больничном, уволить вроде как нельзя, неэтично. Месяц болел, за это время страсти улеглись, девочку эту родители в другую школу перевели, так все и затихло.

– А что случилось-то у них?

– Уж я не знаю, было там что или маменьке все это просто привиделось. Бывают такие чрезмерно бдительные родители. Сами в молодости нагрешат изрядно, а потом на детях отрываються. Все им какие-то кутежи да прелюбодеяния чудятся.

– Прелюбодеяния? Хотите сказать, у Максима Сергеевича с той девочкой...

– Был у них роман, так говорят. Хотя лично я, хоть их вместе и наблюдала, но всегда считала, что отношения у них могут быть лишь чисто платоническими. Очень уж наш Максим Сергеевич не от мира сего. Какой-то эльф, а не человек. Он даже о том, для чего мужчинам нужны женщины, вряд ли все до конца понимает. Если там и была чья инициатива, то исключительно самой девчонки. Только и она вряд ли сумела от нашего Максима чего-то добиться. И более опытные дамы до нее пытались, да ничего у них не вышло.

– Но скандал был?

– Говорю же, маменька очень суматошная попалась. Выследила, что ее доченька после уроков со своим преподавателем в парке гуляет, ну и началось... Девочка – несовершеннолетняя. Да еще вся на эмоциях. Заявила, что у нее с Максимом большая любовь. А какая там любовь, экспертизу назначили, девчонка девственницей оказалась. В общем, на полноценное уголовное дело история никак не тянула, но уволить Максима все же собирались.

– Но не уволили. Уйти, напротив, пришлось его юной возлюбленной.

– Родители ее в регентский класс определили при нашей лавре. Меня бы спросили – ей бы лучше в кабаре отплясывать. Очень в ней темперамента много. Она и у нас покоя не

знала. Сколько инструментов сменила. Под конец на контрабасе играть захотела. А куда ей контрабас? Но упрямая, до директора дошла, родителей подключила, добилась своего.

– Значит, у вас в центре в прошлом году все-таки контрабас имелся?

– Сейчас только вспомнила. Но мы девчонку сразу предупредили: преподавателя с такой ставкой не имеем, полноценного образования по классу контрабаса не получится. По хозрасчету она занималась. Как дополнительный предмет. А основная ее специальность на момент ухода была вокал. Ну, пела она хорошо, ничего не скажешь, всегда – пятерки. Только темперамент... В регентшах этих куда его девчонке девать?

– Регентши – это ведь что-то церковное?

– При нашей лавре эти курсы организованы. Не знаю, как эту вертихвостку к ним приняли. Небось по знакомству. Мать что-то такое говорила. Вроде бы у отца там, в лавре, приятель, он и поспособствовал. Надеюсь, там служители более морально стойкими окажутся, потому что девчонка эта – прямо огонь. С подружками я ее никогда и не видела, всегда мальчишки вокруг нее вились.

Валентина Петровна умолкла.

Она размешивала ложечкой чай в чашке и поглядывала на Сашу. Все, что знала сама преподавательница, она уже рассказала. Теперь пришла очередь ее молодого соседа-сыщика. А он что-то не торопился начинать свой рассказ.

Глава 4

Какое-то время Валентина Петровна смиренно ждала. А потом все же не вытерпела:

– А что тебе удалось выяснить насчет Стукалина? Ты ведь встречался с его приятелем?

– Да! Очень интересная встреча у нас получилась.

Саша поведал своей соседке о том, как он провел сегодня первую половину дня.

– Встретиться с Толиком удалось вообще без проблем. Едва он услышал, что в деле появился еще один труп, сразу же начал сам просить меня о встрече, чтобы выведать подробности.

На это Саша и рассчитывал, забрасывая удочку. Знал, что журналистская душа клонет на приманку.

– Другими словами, этот Толик еще не знал, что погибла его вчерашняя знакомая?

– Не знал. Или делал вид, что не знает. Так или иначе, мы с ним встретились. Он был крайне заинтригован тем, что случилось еще одно убийство. И все время допытывался, есть ли связь с первым случаем. Ему явно хотелось, чтобы связь была.

Лавры покойного Стукалина не давали Толику покоя.

И Саша продолжил:

– Но я сразу предупредил парня, что ничего он от меня не узнает, пока сам не скажет, откуда у Стукалина взялся пригласительный билет на вчерашний концерт. Как он у него появился?

– Разве это так важно? Ты же должен был с парнем про Агнию Захаровну поговорить.

– Главное, я хотел, чтобы Толик расслабился. Начать разговор надо было с вещей, лично с самим Толиком не связанных. А то если бы я его прямо в лоб спросил, что у него вчера было с той дамой, которую сегодня утром убили, пожалуй что, он вообще отказался бы от знакомства с оной.

– Да, правильно. Ты – молодец. И что же Толик сказал насчет билета?

– Сам Стукалин считал этот билет «чистым», потому что ему принесла его святая.

– Что? Какая святая?

– Вот я точно так же отреагировал. Как я понял, это была молодая, прекрасная собой женщина. Поздним вечером она возникла перед Стукалиным, словно из воздуха, вся в золотистом свечении и переливающимся мерцании.

– Из воздуха? Он был пьян? Или под наркотиками?

– Нет, ничего такого Толик не упоминал. И вот эта девушка сказала Стукалину, что он обязательно должен принять ее приглашение, потому что на празднике ожидается нечто грандиозное. Стукалин даже вымолвить ничего не успел, как она вручила ему билет и сказала журналисту, что он просто обязан туда пойти. Что это его долг перед всеми людьми, которых может спасти только он и никто другой. И исчезла.

– После такого и я бы сама пошла. Кто-нибудь, кроме самого Стукалина, эту прекрасную светящуюся девушку еще видел?

– Никто.

– То есть, возможно, ее и не было? Или она существовала лишь в голове у самого Стукалина?

– Какой смысл ему врать своим друзьям? Да еще придумывать такую сказку? Сказал бы просто: билет подкинули. Зачем измышлять такие подробности, да еще описывать внешность этой девушки?

– А что у нее с внешностью?

– Стукалин, как я понял, поэтической восторженностью не страдал. Все его журналистские репортажи отличаются скорее язвительностью. И в женщинах он видел скорее не светлых

ангелов, а прожженных проходимок и лживых насквозь стервозин. А тут, по словам Толика, расчувствовался. Принялся глаза ее описывать. И как! Бездонные, словно морская пучина, глаза, так и тянет в них утонуть. Неземной облик! Она вся словно бы светилась изнутри!

– Светилась?

– Представляете? Стукалин сказал, что от этой девушки исходил какой-то внеземной свет. И что она святая, он так и думал.

– Он просто влюбился, – снисходительно произнесла Валентина Петровна, всем своим видом показывая, что она-то знает, как это бывает, и улыбаясь своим собственным воспоминаниям на этот счет.

Уж в нее-то мужчины влюблялись великое множество раз. И какие мужчины! И как влюблялись!

Один даже уехал покорять целину, когда она не ответила ему взаимностью. Другой уехал строить БАМ! Третий, правда, сильно запил, но как шикарно он выбрасывал потом к ее ногам из своего окна румынскую стенку и телевизор «Горизонт». А телевизор-то, чтобы вы понимали, был цветной! Немыслимая роскошь по тем временам.

Саша спорить с наставницей не стал.

– Может, и влюбился. Но нас с вами в этой истории интересует сама девушка. Откуда она взялась? Кто такая? Как к ней попал этот билет? Что ее потянуло отдать его именно Стукалину?

– Девушка это свое желание ему как-то объяснила?

– Вполне в духе всей их встречи. Она сказала, что он – единственный, кто способен справиться с великим злом. Другими словами, что он – избранный. И, по словам Стукалина, вслед за этим девушка так же таинственно растворилась в воздухе. Сначала она вроде как несколько воспарила над землей, причем сияние вокруг нее обрело такую яркость, что Стукалину даже стало больно глазам. Он на мгновение прикрыл их, а когда вновь взглянул, то девушки уже и след простыл.

– Невероятно.

– Именно так все друзья Стукалина и сказали. Но он твердил, что завтра пойдет, куда его позвали.

– Значит, встреча с чудесной девушкой произошла у Стукалина накануне вечером. Где именно?

– В небольшой роще за домом Стукалина.

– И как он там очутился?

– Он каждый вечер там гуляет. У него есть пес – французский бульдог, это их любимое место прогулок.

– Наверное, там были и другие собачники? Кто-нибудь еще видел эту таинственную девушку? Надо бы уточнить. Мне кажется крайне важным факт такого стремления этой девицы отправить Стукалина на верную смерть.

– Согласен. Вся эта встреча выглядит очень подозрительно. Я узнал адрес дома и рощи, где Стукалин гулял со своим псом. Сегодня же туда съезжу.

– А что насчет встречи Толика и нашей Агнии Захаровны? Или это у них тоже было любовное свидание?

– Что вы! Толику от силы лет тридцать. А Агнии Захаровне сколько?

– Чуть за пятьдесят.

– Вот видите!

– Возраст в таких вещах – далеко не главное! – вдруг строптиво заявила Валентина Петровна. – Если людям хорошо вместе, если им интересно друг с другом, то что такое какие-то двадцать лет разницы? Наоборот, очень даже замечательно, что один старший товарищ может поделиться своим жизненным опытом, а другой, молодой, – своей жизненной силой.

Видя, что случайно задел Валентину Петровну за живое, Саша постарался смягчить невольно нанесенное оскорбление.

– Нет, я имел в виду даже не возраст, а несходство их характеров.

– А вот это дело другое! Это да! Тут я с тобой полностью согласна.

Валентина Петровна моментально успокоилась. Тем более, что привлеченный громким возгласом, к ним подбежал Барон. Пес отличался невероятной чуткостью. И сейчас он с тревогой смотрел на хозяина: мол, у вас все в порядке?

– Беги! – велел ему Саша. – Гуляй!

И Барон тут же умчался за какой-то хорошенькой собачкой, которая даже разрешила ему себя обнюхать.

Валентина Петровна умилялась простоте собачьих отношений, зато Саша теперь ломал голову еще над одной загадкой: кто был тот молодой мужчина, из-за которого Валентине Петровне так не хотелось видеть проблему в разнице в возрасте.

– Характер у Агнии был ужасный, – наконец, вернулась к их теме Валентина Петровна. – И что же привлекло в Агнии того юношу?

– Она позвонила ему и сказала, что знает, кто стрелял в Стукалина. И что все думают, что это сделал ваш Максим Сергеевич, а на самом деле это совсем не он!

– Вот как! Значит, Агнии удалось что-то разнюхать. Я так и думала. И, кстати, хочу тебе сказать насчет того, что все думают на Максима. Невозможное это дело! Да Максим умер бы, прежде чем оказался на крыше. У него сильнейшая акрофобия – боязнь высоты.

– Этот диагноз с легкостью можно симулировать.

– Симулировать? Много лет подряд?

– А что тут сложного? Знай закатывай глаза и бухайся в обморок всякий раз, когда тебе доведется подняться выше второго этажа.

– Тогда получается, что Максим начал готовиться к преступлению еще за несколько лет до его свершения. Как только он пришел к нам работать, он сразу же начал демонстрировать приступы своей фобии. Мы сначала тоже не хотели ему верить, но пару раз он попадал в больницу. И врачи нас заверили, что он не притворяется. У него во всех медицинских картах написан этот диагноз. Ну, и еще множество других.

– М-м-м... Но кого же Агния Захаровна наметила на роль преступника?

– Вот ты мне это и объясни. Или этот твой Толик. Он же с ней целый вечер гулял под ручку.

– С чего вы взяли? Вовсе нет! Толик прошел с Агнией до остановки транспорта, там они и попрощались. Толик поехал к себе, кляня на чем свет стоит разных болтливых кумушек, которые сначала наобещают с три короба, а потом ничего путного от них не добьешься.

– Как это?

– По телефону Агния сказала, что у нее есть железные доказательства виновности преступника. Что она знает его имя. И знает, как можно его наказать. Но когда Толик прикатил за этими доказательствами, она вдруг резко включила задний ход. Сказала, что ошиблась. И что ей еще нужно подумать. Думала, думала, да и погибла ни за что.

– Но почему с этими догадками Агния побежала именно к какому-то там Толику? – запоздало удивилась Валентина Петровна. – Почему Агния не обратилась в полицию?

– Толику показалось, что сначала она собиралась с его помощью немножко пошантажировать своего подозреваемого. А пока он ехал, она передумала и решила, что с легкостью справится с этим делом и одна.

– Что же, этим она оказала Толику поистине неоценимую услугу. Можно сказать, подарила ему вторую жизнь. Ведь если бы шантажом занялись они оба, то и трупов сегодня могло бы оказаться уже два. Толика этого мне было бы даже жалко. Он молодой, пусть поживет еще.

– А Агнию вам не жалко?

– Скажу тебе честно, менее симпатичного человека трудно было сыскать. И эта ее идея с шантажом убийцы меня ничуть не удивляет. Вполне в ее духе! Но все равно, плохая или хорошая, а убивать людей нельзя. Если всех плохих взять и перебить, кто тогда останется? Сколько живу, а совсем безгрешных людей еще не встречала.

В это время Барон прибежал к ним.

Все его четвероногие друзья-приятели вместе со своими хозяевами разошлись. И пес внезапно вспомнил, что за столиком сидят его двуногие друзья и совсем не кушают такое замечательно вкусное мороженое.

Аппетит у Валентины Петровны со всеми этими сыскными делами совсем пропал. И она с удовольствием отдала подтаявшее мороженое собаке, а Барон с не меньшим удовольствием это лакомство уничтожил. Что-что, а толк во вкусной еде он знал. Вылизал вазочку дочиста.

Наевшись, он долго с признательностью вилял остатком своего хвоста, лизал Валентине Петровне руки, проверял, не осталось ли у нее еще чего-нибудь вкусенького. И лишь убедившись, что все съедено, побежал дальше по своим собачьим делам.

– Мне тоже пора! – спохватилась Валентина Петровна. – Через десять минут ко мне ученик придет. А я тут в парке прохлаждаюсь.

И они разошлись в разные стороны.

Саша даже не успел рассказать Валентине Петровне, что Толик напоследок расщедрился и дал ему распечатанные фотографии всех тех, кого ему удалось снять в день убийства на ступенях эстетического центра.

Народу там было много. Сам Саша фотографии просмотрел второпях, решив, что вернется к ним и посмотрит все уже более основательно чуть позднее.

А сейчас у Саши были другие дела. Он отправился к дому Стукалина, чтобы попытаться найти там свидетелей его встречи с таинственной светящейся девушкой.

А Валентина Петровна отправилась на урок. То есть она так думала.

Но едва женщина вошла в здание центра, как к ней навстречу кинулась Галина. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – у них очередная новость. И на этот раз хорошая.

– Все! – воскликнула она. – Кончено!

– Что кончено?

– Следствие закончено! Они поймали преступника! Арестовали! Нина Ефимовна с ним в одном доме живет, она видела, как полицейские его выводят!

– Да кого же?

– Кого?! Нашего Максима Сергеевича, конечно!

– Все-таки Максима арестовали!

Валентина Петровна была поражена.

– Никогда бы на него не подумала! А вы?

Валентина Петровна покачала головой.

Нет, и она тоже никак не могла себе представить, что убийцей окажется их Максим Сергеевич. А как же его боязнь высоты? Как же многочисленные болячки? Как могли полицейские не заметить всего этого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.